

Красов

Михаил Андреевич

Солдаты Отечественной

Солдатская память. Разве можно забыть суровые годы войны и тех, с кем шли по дорогам сражений, тех, кого оставляли в братских могилах на своей и чужой земле!

Жива она в сердце и нашего земляка Михаила Андреевича Красова, ветерана Великой Отечественной...

...Стоял конец сентября. От близкой воды тянуло вечерней прохладой и густой туманной сыростью.

У берега по тальнику слышался осторожный плеск воды, чавканье прибрежной топи под ногами, фырганье лошадей.

Тихо переговаривались. Размещали на плотках орудия, пулеметы, ящики со снарядами. Где-то там, за сумерками, на противоположном обрывистом берегу Днепра был враг,

- Пошел,- хрипло протянул чей - то голос. Плот дернулся, закачался на волне. Вода глухо захлюпала о бревна, пустые бочки - поплавки. Серая тьма окутала со всех сторон, и только редкие короткие всплески говорили о том, что рядом на всем протяжении излучины и слева и справа двигались сотни лодок, плотов, понтонов, до отказа забитых людьми.

Были уже на середине, когда высоко в небе вдруг ярко вспыхнула ракета. За ней следом с шипеньем начали лопаться, зависая прямо над головой, вражеские «фонари».

И сразу же тишина разорвалась. Надвигающийся, берег ожил, ощетинился тысячами вспышек. Вода вокруг закипела, поднимаясь фонтанами взрывов.

- Давай, - падая изо всей силы грудью на весло, закричал сержант Красов, - давай, ребята!

Каждый из них знал, что промедление здесь, на открытой ладони Днепра, - это смерть. Только вперед, из зоны артиллерийского обстрела. Только вперед!

Вокруг было светло, как днем. Первые лодки атакующих уже подходили к берегу. Бойцы, не дожидаясь остановки, бросались в воду, поднимались по отмели через заросли прибрежного тальника к обрыву.

Снаряды рвались на реке уже где-то позади. Свистели над головой. Плот ткнулся в пологий берег.

- Катушку! - Красов первым спрыгнул в воду и, подняв перед собой рацию, рванулся к берегу. - Вперед!

Зацепившись за узкую полосу суши, разворачивалась в атаку пехота. В полусотне метрах впереди земля дыбилась и горела под залпами «Катюш». Неуверенное «ура!» разрасталось, крепло, наваливаясь все выше на берег, яростно и неудержимо...

Их было двенадцать в том бою. Двенадцать друзей - сибиряков, однополчан, с кем начинал Михаил Красов войну осенью сорок второго. С кем были пройдены Дон, Щукинский плацдарм, Курская дуга. После этого боя при форсировании Днепра их осталось четверо: сержант Красов, рядовые Виктор Кудрявцев, Николай Демшин и Иван Бояркин.

Впереди было еще два долгих года войны. Были бои за Бреслау, где Виктор Кудрявцев получил тяжелую контузию, но так и не покинул поле боя. Был Кенигсберг, где каждый подвал, каждый дом были превращены немцами в укрепления.

С той переправы при форсировании Днепра прошло сорок лет. И то ли память вдруг всколыхнула прошлое, то ли зародил вдруг надежду случайный разговор в военкомате, но захотелось старому солдату разыскать своих боевых друзей. Тех, с кем делил в те годы нелегкий солдатский хлеб.

И вот первое долгожданное письмо. Живы были фронтовые товарищи.

«Здравствуй, родной мой фронтовой друг, командир ,однополчанин Михаил Андреевич. Я очень рад, что получил от Вас письмо. Пришел с работы, жена подаёт конверт. Прочитал... и сразу узнал...» - писал из Абакана Виктор Иванович Кудрявцев.

Тяжелым эхом через двадцать лет отозвалась война в судьбе Виктора Ивановича. Сказались последствия контузии. В начале шестидесятых он полностью потерял слух. Но не падает духом ветеран. Продолжает по мере сил трудиться, хотя дивно на пенсии. Растит внучат.

Второе письмо пришло из Минусинска от Николая Гаврилович Демшина.

«Здравствуй, мой фронтовой друг, Это для меня одно из самых дорогих писем за много лет...», - писал он.

Третье - из Усть-Абакана от Бояркина Ивана Андреевича. Сейчас письма приходят часто. Пишут ветераны о жизни, вспоминают фронтовых друзей, бои и походы, тех, кто шел вместе с ними : в рядах 309 Пурятинской I Краснознамённой ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии, о своих земляках, о тех, кому не выпало счастье встретить День Победы.

В одном - из писем Николай Гаврилович Демшин вспоминает о командире своего дивизиона Бабарыкине Виталии Кузьмиче.

В начале 1943 года от села Щучье: с боями двинулись сибиряки на Запад. Сейчас недалеко от села на трассе стоит бетонный столб с Надписью «Отсюда 14 января 1943 года началось наступление 309 стрелковой дивизии».

Если подходить к Щучьему на теплоходе, села долго не видно. Потом из - за поворота на крутом берегу неожиданно открываются ослепительно белые хаты, утопающие в зелени садов.

Тогда, зимой сорок третьего, на месте садов и чистеньких домиков было перепаханное снарядами пепелище с вздернутыми к небу черными стволами печных труб, развалинами.

Это здесь, под Щучьим, командир артиллерийского дивизиона Виталий Кузьмич Бабарыкин вызвал огонь своей батареи на себя. Командир того самого дивизиона, в котором воевали четверо боевых товарищей.

Шесть пушек били беглым огнем по роте наступавших фашистов - а в центре огня оставался, не покинув боевого поста, командир. Когда немцы были отброшены, среди груды вражеских тел нашли изрешеченного осколками, но живого командира дивизиона.

- Наша «малая земля», - говорят сегодня те, кто дрался в этих местах в те дни. Она была отвоевана дорогой ценой. Здесь самая большая братская могила сибиряков.

Недавно получил М. А. Красов приглашение. В мае, в канун Дня Победы, встречаются бывшие воины прославленной 309-й стрелковой в городе Лебедине, что на Украине. В городе, который они освобождали от фашистов.

Радостной встречи с однополчанами Вам, Михаил Андреевич!

Г. Григорьев, с. Михайловка.

Григорьев, Г. Солдаты Отечественной [Текст] / Г. Григорьев // Нива. – 1985. – 7 февр. – С. 2 : ил.